

УДК 130.2 (082)

С.Ю. Дивногорцева

ПЕРВЫЕ КНИГИ ДРЕВНЕЙ РУСИ И ИХ РОЛЬ В РЕЛИГИОЗНО-НРАВСТВЕННОМ СТАНОВЛЕНИИ РУССКОГО ОБЩЕСТВА

Развитие духовно-нравственной культуры личности является важнейшей составляющей жизнедеятельности общества. Задача религиозно-нравственного воспитания человека была поставлена в Древней Руси с принятием христианства. Важнейшую роль в ее решении сыграли книги, которые русский народ получил по принятии Крещения, а также отечественная учительная литература. В статье актуализируется проблема назначения книги, ее роли в религиозно-нравственном становлении русского общества. Цель статьи – обратить внимание читателей на книгу и литературное слово как факторы созидания культуры общества.

Ключевые слова: духовная культура личности, религиозно-нравственное воспитание, древнерусская литература.

Современное российское общество отчетливо начинает осознавать, что важнейшими составляющими жизнедеятельности человека являются не только сферы экономики, быта, интеллектуальной жизни, но и развитие духовной культуры личности. Человека принято называть творцом культуры. Однако необходимо помнить и о том, что таковым он становится лишь в процессе приобщения и постижения культуры, сохраняя, развивая и приумножая ее. Базисом становления культуры изначально выступала духовность, тесно взаимосвязанная с религией. На мировоззренческом уровне она предлагала систему ценностных ориентаций, которые человек избирал свободно, а приняв, постоянно проверял себя на соответствие избранному идеалу.

В свое время православная религия привнесла в жизнь древнерусского человека религиозный смысл, сформулировала нравственные требования и сформировала национальную культуру. Каждое новое поколение привносило в религиозную культуру нечто новое, одновременно «питаясь той благодатью, которая в скрытом виде доносится из глубины веков...» [1. С. 117]. Внешняя сторона религиозной культуры, несмотря на то, что изначально воспринималась с осторожностью и опаской, тем не менее усваивалась легче, становясь со временем частью традиционной жизни русского человека. «Внутренний слой» православно-религиозной культуры, ее духовные ценности и идеалы, для своего открытия, распознавания и усвоения требовал особых усилий, прежде всего, постоянного и вдумчивого чтения божественных книг, которые русский народ получил при принятии Крещения. Христианство, основанное, в отличие от язычества, на письменной культуре, необходимой для освоения религиозного учения и ведения религиозной службы, стало и стимулом становления древнерусского литературного языка, появления переводной и оригинальной литературы.

Таким образом, важнейшим средством восприятия и осмысления духовно-нравственных ценностей, воспитания личности изначально на Руси вы-

ступала книга. Как источник духовной мудрости, она ценилась очень высоко. Главной «педагогической» книгой выступала Библия с ее идеалами семейных отношений, изображением уклонений от этого идеала и т.п. Ежедневно было принято читать и Евангелие; Псалтирь знали наизусть, это была практически настольная книга наших предков. Другими первыми книгами, доступными древнерусскому человеку, были богослужебные книги, творения святых Отцов Церкви, жития святых, сборники религиозного содержания. Именно они служили источником восприятия и усвоения духовных ценностей православия; в них искали утешения, укрепления веры, по ним и воспитывались, и начинали свое обучение грамоте. Их читали в школе и дома, списывали, сохраняли как драгоценность, передавали из рода в род. Можно предположить, что для древнерусского человека книга явилась таким чудом, которое трудно сравнить с чем-либо еще. Он читал книгу и узнавал, как должен жить и действовать. «Книга, – отмечал М.И. Демков, – явилась внезапным светом, который разом дал почувствовать обществу его нравственную слепоту, и с этой минуты неграмотный человек на Руси стал человеком темным... Книга – это были глаголы самого Бога, и кто ее читает, тот беседует с самим Господом. Книга и Божественная мудрость отождествлялись в сознании» [2. С. 27]. Чтение книги воспринималось нашими предками не как форма проведения досуга, но как средство воспитания личности, формирования ее духовной культуры. Книга читалась в первую очередь для пользы души.

В одном из списков «Пчелы» (1199 г.) – весьма распространенного древнерусского сборника – тоже говорится читателю о пользе книг: «Ум без книги аки птица опешена (без крыльев), якоже она взлететь не может, такоже и ум не домыслится совершена разума без книги. Свет дневной есть слово книжное, егоже лишився безумный, аки во тьме ходит и погибнет в веки». Св. Кирилл Туровский (XII в.) в «Притче о человеческой душе, и о теле...» следующим образом аргументировал необходимость прилежного чтения святых книг: «...весьма полезно разуметь учение божественных писаний. Ибо сие и душу соделывает целомудренною и наклоняет к смирению ум, и сердце изошряет для добродетели, и всего человека делает расположенным к благодарности, и мысли возводит к обетованиям Владыки, и приводит к духовным на небеса трудам, тело укрепляет, вселяет пренебрежение к славе и богатству настоящей жизни и отводит от житейских печалей света сего». Св. Кирилл призывал своих собеседников не «просто произносить языком написанное», но стараться делом «исполнить оное», ибо «сладок медовый сот и хорош сахар, но книжный разум лучше их обоих», поскольку «он есть сокровище вечной жизни» [3. С. 73]. Постигание священных книг, считал он, ведет к спасению не только читающего, но и слушающих его: «...не будем нерадивы о своем спасении; все св. книги были написаны для нас, в научение нам; великая польза для нас, грешников, слышать писания... Для того и писаны были книжные словеса, чтобы нам избавиться от мучений. Ибо, если бы Бог хотел нашего мучения, то не предупреждал бы нас...» [3. С. 293].

Вероятно, и на заре становления православия на Руси, равно, как и сегодня, мирянам было не до чтения книг в силу их занятости. Св. Кирилл писал: «Не говорите: «жену имею и детей кормлю и дом устрояю, и князю служу,

или держу порученную мне власть или ремесло; не наше дело – чтение книжное, а дело чернеческое (монашеское. – С.Д.).» «Понимаешь ли, – восклицал к собеседникам святой, – что ты говоришь, безрассудный человек? Живя среди мятежа и печалей мира сего суетного, не хочешь ты отгонять от себя чтением книжным мирских обманчивых печалей». Именно по этой причине, считал Кирилл Туровский, нужно часто брать святые книги, «чрез них искать спасения». «Капля часто падающая, – продолжал он убеждать собеседников, – продавливает камень; так и человек, часто читающий книги с разумом, разрешает греховные связи» [3. С. 291].

Еще одной, актуальной и для сегодняшнего дня, проблемой было непонимание прочитанного в священных книгах. Кирилл Туровский называл следующие причины данной проблемы: «Я думаю, что сердце у нас величавое, гордое, непокорное и гневливое, самомнительное и пьянчивое, – поэтому мы и не понимаем писания». Он предлагал и пути ее решения: «Ты все-таки будь прилежен к чтению книжному, и Господь даст тебе разум... Старайся понимать, а если не понимаешь, иди к тому, кто мудрее, и у него узнаешь. А если от людей не получишь вразумения, то Бог, видя твое усердие к святым книгам, вразумит тебя; Он не презрит твоего усердия» [3. С. 292].

Надо полагать, что увещания и призывы возымели последствия. Книги читали, и не только дома, но и собирали их в библиотеки, которые существовали как в монастырях, так и при архиерейских кафедрах, при приходских церквях. Так, например, С.И. Миропольский, ссылаясь на исследования Г. Бояновского, писал, что в библиотеках Великого Устюга в XVII в.е было до 700 томов в 68 названиях, кроме монастырских [4. С. 235]. Для кого предназначались эти книги? У С.И. Миропольского приводится следующая порядная запись XVII в., данная пономарем, который обязался «книг беречи и малым ребятам в кои дни придется по книгам говорить и над ними смотреть и приказывать накрепко, чтоб они, говоря по книгам, книги берегли, не драли и воском слов не закапывали, и по домам без спросу и без ведома никто не брал...». Что это были за книги? В устюжских церковно-приходских библиотеках значились: Многосложный свиток, пролог, Маргарит, патерики Печерский, скитский, Торжественник, Книга новых чудотворцев, жития святых, Измарагд, Златоуста богословие и др. Такой состав церковно-приходских библиотек, без сомнения, удовлетворял потребностям в религиозно-нравственном чтении наших предков.

Умственная работа православных мыслителей изначально была направлена на поиск совершенной христианской жизни, духовно-нравственное воспитание молодежи и книжное образование, построенное на основе учений отцов восточно-христианской церкви. В Древней Руси переводилась литература, которая освещала, прежде всего, духовно-нравственный аспект воспитания, что вело к сосредоточению на нравственно-религиозной мысли, построенной на методе откровения и следования церковным авторитетам. Вскоре после Крещения Руси стали появляться и отечественные литературные произведения, ставшие результатом осмысления проблем христианской жизни и воспитания: «Слово о Законе и Благодати» митрополита Иллариона, «Слово о вере христианской и латинской» Феодосия Киево-Печерского, «Житие Феодосия Печерского» и «Повесть временных лет» Нестора, «Мо-

ление» Даниила Заточника, «Слово о Полку Игореве», «Поучение» Владимира Мономаха и др. В этих книгах отражены христианское мировоззрение, его нравственные ценности и характерологические качества. Их авторы разъясняли древнерусскому обществу сущность христианства, влияя, таким образом, на формирование менталитета русского народа.

Произведения древней русской литературы были глубоко духовны и нравственны, хотя и не отличались оригинальностью. «Первые наши писатели, – отмечал М.И. Демков, – созерцая жизнь с духовной высоты, заботились главным образом о выражении христианской истины в своих творениях и просвещении ею народа и не думали о своей личности, об оригинальности идей и потому рядом со своими собственными мыслями приводили, не стесняясь, чужие, иногда целые выписки из творений святых отцов Церкви» [2. С. 40]. На эту особенность древнерусской литературы указывал и Д.С. Лихачев: «Заимствования и компиляции, стремление избегать индивидуальных особенностей стиля составляют характерную черту литературных церковных жанров... Работа писателя сравнивается с составлением букета цветов – цветов из других произведений. Чем авторитетнее круг произведений, из которых собираются писателем «цветы» его стиля, тем сильнее они настраивают читателя на благочестивый лад своею привычной приподнятостью, тем легче вызывают они благоговение и сознание «высоты» описываемого» [5. С. 55]. В то же время русские писатели, по мысли ученого, «предстают перед нами вовсе не как имитаторы, а как писатели, творчески перерабатывающие наследие, общее для разных народов», поэтому в целом справедливо будет утверждать, что древнерусская литература не пассивно испытывала влияние другой литературы, а активно участвовала в выработке религиозно-нравственных идей.

Так, «Слово» преподобного Феодосия Киево-Печерского, сочиненное между 1069 и 1074 гг., посвящено осмыслению религиозного содержания власти. Написанное как поучение великому князю Изяслову Ярославовичу в связи с тем, что послы папы римского пытались склонить его к католической вере, оно содержит довольно жесткий взгляд преподобного Феодосия на те вопросы, которые касаются защиты веры, родной земли. В то же время преподобный Феодосий не менее строго внушал князю мысль о необходимости милосердия и любви в вопросах гражданских: «Подавай милостыню не только единоверцам, но и чужим... всякого помилуй и от беды избавь...». В дошедшем до нас небольшом «Поучении братии» новгородского епископа Луки (Жидяты) (первая половина XI в.) коротко и просто высказываются общие христианские наставления о любви к ближнему, о прощении обид, о почитании старших и власти: «Любовь имейте с всяким человеком... Претерпите брат брату и всякому человеку, а не воздавайте зла за зло... Ни осудите брата ни речью, ни мыслию; поминайте своя грехи, да Бог не осудит... Будьте в смирении, кротости, не многоглаголеви... Читите старого человека и родителя своя... Бога бойтесь, а князя чтите...».

Достоинством вышеупомянутых русских святых стало то, что церковное учительство, выражающееся в проповедях и различного рода «Словах», они поставили во главу своего пастырского служения. Этим выделялся и св. Кирилл Туровский. В своих «Словах», проповедях и притчах,

дошедших до нас, он предстает как образованный церковный оратор, великолепно знающий греческое богословие. Подвижник затвора, он в своих книгах часто имплицитно излагал опыт созерцания, глубокого благоговения перед Богом. Не раз он акцентировал внимание слушателей и читателей на том, что учит не от своего грешного ума, а от божественных писаний. Воспитывающее влияние его проповедей состояло не в прямом нравственном назидании, а в искреннем, глубоком благоговении, которым «дышало» его учительство. Не случайно Ю.Ф. Самарин дал следующую оценку сочинениям Кирилла Туровского: «Общий характер проповедей Кирилловых составляет преобладание поэтического элемента над дидактизмом. Мы редко встречаем в них обдуманное построение и строгость в изложении. Словом Кирилла Туровского движет религиозный пафос, восторг. Это не столько поучения, сколько свободные излияния благочестивых помыслов – гимны» [3. С. 72].

Не раз Кирилл Туровский призывал своих слушателей к покаянию, добрым делам и молитве: «Когда мы не имеем добрых дел, не раскаиваемся в грехах... мы далеки от Бога [3. С. 83], «...милостыню творите беспрестанно, ибо она оmyвает все прегрешения наши и отверзает небесные врата и гнев Божий меняет на кротость и милость; милостыня легко возводит на небо и с дерзновением поставляет у престола Божия» [3. С. 290], «...молитвою совершается всякое добро; если она исходит от умиленного сердца, то восходит к Богу, как благоухание» [3. С. 287]; увещевал «убегать» от греха, «дабы не быть покоищем для бесов и не повергнуть свою душу геенским птицам» [3. С. 90], остерегал от порочного «колебания» в мыслях.

Особой популярностью в древнерусском обществе пользовались сборники изречений «Пчела», «Измарагд» и др., основной целью которых было доставить читателю назидательное чтение. Так, сборник «Пчела» (полное название «Пчела – речи мудрости от Евангелия и от апостол и от свв. муж и разум внешних философов»), существовавший во множестве списков от XIV до XVII в., представлял собой антологию, состоящую из афоризмов, изречений, распределенных по содержанию на отдельные главы и рубрики. С полной уверенностью можно сказать о богатстве содержания данного сборника идеями религиозно-нравственного воспитания. Так, например, читаем о злобии: «Не одоли злобою благодати, но одоли благодатию злобу»; о словесном воздержании: «Буди всяк человек скор на послушание, а ленив на глаголение...», «кротко слово разрушает гнев»; о терпении и смирении: «имеющий смирение покоряет бесов, а не имеющий покорен будет бесом», «аще печален еси помолися Богу, радостен ли еси смирися»; о необходимости добрых дел: «аще кто милостыню дает нищим, то Христу в руку влагает», «аще кто христианином нарицается и веру правую имеет, а дел добрых не творит, то подобен есть имущу лицо без очей якоже бо тело без души тако и вера без дел», «лучше храма Божия воском не просвещати нежели убогих обидети»; о послушании: «послушание больше есть поста и пустынного жития...». В сборниках наши предки находили полезные наставления для семейной жизни, например о значении доброй жены: «Добра жена мужа и по смерти спасет, а злая жена мужа и при животе загубляет», а также дидактические наставления нравственного характера

учащим: «Уча, учи нравом, а не словом; иже словом мудр, а дела его несовершенна, то хром есть...; не то правый, иже малы о добродеении глаголет, а добродеение добре являет и прилагает веру к своему учению житием своим», «учитель нравом да покорит, а не словом» (цит. по: [2. С. 89]).

Приведенные выше изречения «Пчелы» представляют собой выдержки из Библии, Евангелия, творения святых отцов, классических писателей: Платона, Сократа, Пифагора, Плутарха и др. Они, как уже было отмечено, не оригинальны, но, как писал Н.А. Лавровский, «в старинной нашей литературе не различалось строго свое от чужого: чужое или вполне принималось за свое, если оно вполне согласовывалось с понятиями, с умственными и нравственными потребностями народа, или постепенно подводилось под уровень этих потребностей, согласовывалось с ними; усвоенное таким образом чужое становилось своим, начинало действовать на жизнь, как самостоятельно выбранный ею образовательный элемент» [6. С. 1]. К.Е. Скурат отмечает, что язык памятников древне-церковной литературы близок к библейскому, и это свидетельствует о том, что «русские церковные писатели старались и верить, и исповедовать свою веру так, как научены были Св. Книгой» [7. С. 10]. Мысли, излагаемые в «Пчеле», были достаточно афористичны, но именно в таком виде они и были доступны древнерусскому человеку, который без труда мог их запомнить и применять в устройении себя, своей семейной жизни и воспитании детей. Таким образом, данный сборник имел универсально-педагогический характер, поскольку учил человека многим жизненным добродетелям.

На русской почве, к концу XIII – началу XIV в. возник и другой сборник поучений – «Измарагд», который, так же, как и «Пчела» предлагал своим читателям в наставление высокие истины христианской нравственности в современной и доступной для того времени форме. Судя по тому, что данный сборник имел широкое распространение, он вполне удовлетворял духовные запросы и потребности своих читателей. Так, Измарагд первого извода начинается «Слословом» патриарха Геннадия, в котором излагаются исповедание веры и нравственные основы христианской жизни. Изложены они были достаточно просто и касались не только религии, но и обыденной жизни, отношений к ближнему. Последняя глава содержала в себе итог всего ранее изложенного и была в дальнейшем широко распространена в древнерусской литературе: «Конец же всем прежде реченным, возлюби Господа от всей души и страх его да будет в сердце твоём. Нравом будь истинен, кроток, смирен и покорлив, очима долу поничен, ум же в небеси простирая, умилен Богу и к человеку приветлив, печальным утешитель, терпелив в напасти; к нищим щедр и милостив, нищим кормитель, странноприимник; скорбен греха ради, весел о Бозе; кроток, не словоохотлив, не горд, боязлив пред царем, готов к повелению его, в ответах сладок, часто молитвенник, разумен, трудник к Богу, не Судник всякому человеку, поборник обидным, нелицемерен».

Итак, первые книги Древней Руси, обращенные к сердцу человека, не забавляли и не развлекали, но воспитывали его нравственно. Они заложили основы дальнейшего развития русской дореволюционной литературы, ее учительный характер: она открывала человеку духовную вертикаль

бытия, укрепляла и наставляла. Отрадно, если эту миссию продолжит нести современная литература, решая задачи нравственно верного направления человеческих помыслов и устремлений, воспитывая и облагораживая чувства.

Литература

1. *Лихачев А.Е.* Нравственное разложение и православие // Педагогика. 1999. № 6. С. 114–119.
2. *Демков М.И.* История русской педагогики. М., 1913. Ч. 1. 302 с.
3. *Творения святого Кирилла, епископа Туровского.* Киев, 1880. 418 с.
4. *Миропольский С.И.* Очерк истории церковно-приходской школы: от ее возникновения на Руси до настоящего времени М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2006. 405 с. Репринт. изд.
5. *Лихачев Д.С.* Культура Руси времени Андрея Рублева и Епифания Премудрого (конец XIV – начало XV века). М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, Ленингр. отд-ние, 1962. 172 с.
6. *Лавровский Н.А.* Памятники старинного русского воспитания. М., 1861. 71 с.
7. *Скурат К.Е.* Православные основы культуры в памятниках литературы Древней Руси. М.: Изд. дом «Покров», 2003. 128 с.